Вероника Палабугина

Отражение в воде

Вероника Палабугина

Отражение в воде

«Автор»
2026

Палабугина В. В.

Отражение в воде / В. В. Палабугина — «Автор», 2026

Алёна — фотограф, которая ищет в кадре не просто свет и композицию, а настоящие чувства. Однажды в городском парке она замечает незнакомца — Артёма, застывшего у озера, будто он прислушивается к чему-то, чего не слышат другие. Сделав несколько снимков, Алёна замечает странность: на фото лицо Артёма каждый раз чуть другое, будто время играет с ним. С этого момента её тянет к нему, а парк начинает раскрывать свои тихие тайны. Это история о том, как один случайный кадр может открыть дверь в мир, где память и сны живут рядом с реальностью.

© Палабугина В. В., 2026
© Автор, 2026

Вероника Палабугина
Отражение в воде

Введение

Позднее сентябрьское солнце ещё цеплялось за парк тёплыми, но уже не обжигающими лучами — такими, что хочется стоять и просто дышать, будто этот воздух хранит в себе все тихие секреты города. Листья на деревьях держались упрямо, будто не хотели сдаваться осени, и их рыжие и золотые отсветы ложились на дорожки неровными пятнами света.

Алёна шла по аллее, привычно прижимая к себе фотоаппарат. Для неё он был не просто инструментом — почти продолжением руки, способом говорить с миром, когда слов не находилось. Она любила ловить моменты, которые другие не замечали: тень от скамейки, застывшую на секунду рябь на воде, внезапную улыбку прохожего. Алёна верила, что в таких мелочах прячется настоящая жизнь — не та, что мелькает в ленте новостей, а та, что тихо шепчет, если остановиться и прислушаться.

Сегодня ей хотелось поймать именно этот шёпот.

У озера, чуть в стороне от главной дорожки, на старой деревянной лавочке сидел парень. Он не смотрел по сторонам, не проверял телефон, не торопился — он просто смотрел на воду, будто пытался прочесть в её поверхности что-то важное, что нельзя услышать ушами. Ветер трогал край его куртки, шевелил волосы, но сам он оставался неподвижным, как будто стал частью этого места.

Алёна остановилась. Что-то в этой картине зацепило её — не поза, не ракурс, а сама тишина вокруг него. Она подняла камеру.

Щёлк.

На экране появилось первое изображение: Артём (она даже не знала, что его зовут Артём, но имя будто само сложилось в голове) смотрел вдаль, и в его лице была лёгкая усталость, почти смирение.

Щёлк. Щёлк.

Ещё два кадра — и Алёна почувствовала, как по спине пробежал едва заметный холодок. На втором снимке в его взгляде появилась глубина, которой не было в реальности — будто в кадр просочилось что-то из его мыслей. А на третьем… на третьем он словно смотрел прямо на неё, хотя в жизни даже не повернул головы.

Это было невозможно. Или почти невозможно.

Алёна снова посмотрела на Артёма. Он всё так же сидел, глядя на озеро, и казался одновременно очень близким и бесконечно далёким — как отражение, которое вот-вот растворится в воде.

Она сделала ещё один шаг вперёд, стараясь не нарушить эту хрупкую тишину.

— Простите, — тихо сказала Алёна, останавливаясь в паре шагов. — Вы не против, если я ещё немного поснимаю? Это… очень красивый кадр.

Артём медленно повернул голову. Вблизи его глаза оказались не просто тёмными — в них будто прятались отражения всех дней, что он провёл у этого озера.

— Ты видишь то, чего нет, — сказал он спокойно, почти без удивления. — Или то, что есть, но никто не замечает.

Алёна замерла, крепче сжимая фотоаппарат.

— Что ты имеешь в виду? — спросила она, опуская камеру.

— То, что ты снимаешь, — ответил он, кивнув на её фотоаппарат. — Оно не всегда остаётся просто картинкой. Иногда оно становится дверью.

И в этот момент рябь на озере вдруг стала чуть чётче, будто вода прислушалась к его словам.

Глава 1. Дверь в кадре

Алёна ещё пару секунд стояла, не решаясь пошевелиться. Слова Артёма повисли в воздухе, как рябь, которая не спешит расходиться по воде. «Иногда оно становится дверью…» Что это — странная метафора? Или он и правда знает что-то, чего не знает она?

Она крепче сжала фотоаппарат — не для защиты, а чтобы почувствовать, что у неё всё ещё есть опора.

— Какой дверью? — спросила Алёна, стараясь, чтобы голос звучал спокойно, будто она просто уточняет композицию. — Ты про фотографию?

Артём чуть наклонил голову, будто прислушивался не к её словам, а к чему-то за ними.

— Про то, что остаётся на плёнке, — ответил он. — Или в матрице. Не знаю, как сейчас это работает. Но суть та же: снимок ловит не только свет. Он ловит момент. А момент — это крошечная щель между «было» и «будет». Иногда через неё что-то проглядывает.

Алёна невольно посмотрела на экран камеры. Три кадра, сделанные подряд, всё ещё были там. Она открыла первый — обычный портрет задумчивого парня у озера. Второй — в его глазах уже была эта странная глубина, будто он видел сквозь неё. Третий — тот самый, где он смотрел прямо на неё, хотя в реальности даже не повернул головы.

Она протянула Артёму камеру экраном вперёд.

— Вот. Посмотри. Это… нормально?

Он не взял фотоаппарат, но наклонился чуть ближе, не касаясь. На секунду его тень легла на экран, и в этот миг рябь на озере будто стала чётче, будто вода тоже ждала ответа.

Артём тихо усмехнулся — не насмешливо, а как человек, который давно привык к странностям и просто устал объяснять.

— Это нормально для этого парка, — сказал он. — Тут время любит играть в прятки.

— В каком смысле? — Алёна нахмурилась. — Ты живёшь тут? Или… ты какой-то местный экскурсовод?

— Я не экскурсовод, — он снова посмотрел на воду. — Просто я здесь бываю часто. И заметил: некоторые вещи лучше не трогать. А ты как раз из тех, кто всё трогает. Любопытная.

Алёна хотела обидеться, но не смогла — в его голосе не было упрёка. Скорее, лёгкая усталость, будто он столько раз пытался предупредить людей, что уже почти перестал надеяться, что его услышат.

— А если я не хочу не трогать? — тихо сказала она. — Если я хочу понять, что происходит?

Артём наконец поднял на неё взгляд — и в нём мелькнуло что-то похожее на уважение.

— Тогда ты должна знать одно правило, — произнёс он медленно, словно каждое слово имело вес. — Не фотографируй отражения. Ни свои, ни чужие. Озеро здесь не просто вода. Оно помнит.

Алёна обернулась на озеро. В его спокойной поверхности дрожали деревья, небо, лавочка — и её собственная фигура, чуть размытая, будто нарисованная акварелью. И где-то в этом дрожащем отражении ей вдруг показалось, что рядом с её силуэтом на секунду мелькнула ещё одна тень — не её и не Артёма. Чья-то третья.

Она резко отвернулась.

— Ты пугаешь меня, — призналась Алёна, и голос у неё чуть дрогнул.

— Прости, — Артём чуть опустил плечи, будто сбрасывая с себя тяжесть этих слов. — Я не хотел. Просто… если ты будешь снимать дальше, будь осторожна. Некоторые двери лучше не открывать.

Алёна помолчала, переводя взгляд с камеры на Артёма и обратно. Потом, почти машинально, нажала кнопку и сделала ещё один снимок — не его лица, а озера. Просто рябь, просто отражение деревьев. Обычный кадр.

Но когда она посмотрела на экран, сердце снова ёкнуло.

На фото среди ряби проступал едва заметный контур — будто кто-то стоял в воде, скрытый до плеч. Не человек, не тень — просто намёк на фигуру, словно её выткало само озеро из света и волн.

Алёна подняла глаза на Артёма.

— Ты это видишь? — прошептала она.

Он кивнул, не удивляясь.

— Теперь ты знаешь, — тихо сказал он. — Это место не любит, когда в него заглядывают без спроса.

Ветер снова пробежал по парку, шевельнул листья, и на мгновение всё стало обычным: озеро — просто вода, деревья — просто деревья, парень на лавочке — просто парень, который о чём-то задумался.

Но Алёна уже знала: это спокойствие было обманчивым.

— Что мне теперь делать? — спросила она, чувствуя, как внутри поднимается смесь страха и азарта — то самое чувство, которое всегда заставляло её нажимать на спуск в самых странных местах.

Артём медленно поднялся с лавочки, не отрывая взгляда от воды, будто прощался с кем-то невидимым.

— Если хочешь остаться — оставайся, — сказал он. — Но помни: каждый кадр — это обещание. Ты забираешь кусочек мгновения себе. А взамен оставляешь здесь что-то своё. Иногда — больше, чем думаешь.

Он сделал шаг в сторону, собираясь уйти.

— Подожди! — Алёна шагнула вперёд, сама не понимая, чего хочет больше — удержать его или просто не остаться сейчас одной. — Как мне… как мне понять, что я не натворю бед?

Артём остановился и, чуть улыбнувшись, достал из кармана старую, потёртую пуговицу — медную, с едва заметным узором.

— Держи, — протянул он. — Простая вещь. Без магии. Но если станет слишком страшно — сожми её в руке. Это поможет отличить, где настоящее, а где… просто отражение.

Алёна взяла пуговицу. Она была тёплой, будто долго лежала у него в кармане.

— Спасибо, — прошептала она.

— Не благодари, — мягко сказал Артём. — Лучше просто будь осторожна. И… если захочешь ещё поснимать — приходи сюда на закате. В это время озеро спокойнее.

И он пошёл прочь по аллее, растворяясь среди золотистых пятен света, пока не стал просто силуэтом, а потом — просто воспоминанием.

Алёна осталась стоять у воды, сжимая в одной руке пуговицу, а в другой — фотоаппарат. На экране всё ещё был тот странный кадр: рябь и едва заметная фигура в воде. Она хотела удалить его, но пальцы замерли над кнопкой.

Вместо этого она открыла галерею и посмотрела на все три снимка Артёма — и вдруг поняла: на каждом из них в его взгляде появлялось что-то новое. На первом — лёгкая усталость. На втором — тень тревоги. На третьем — почти узнавание, будто он уже видел её раньше.

Как будто эти кадры показывали не разные мгновения, а разные стороны одного и того же человека.

Или разные версии его самого.

Глава 2. Тёплые кадры

На следующий день она снова пришла в парк. Не ради мистики, не ради загадок — просто хотела снова увидеть его. И, честно говоря, боялась, что вчера всё было игрой света, усталостью и слишком живым воображением фотографа, который привык искать истории там, где их нет.

Парк встретил её тишиной и запахом прелых листьев. У озера никого не было. Алёна медленно пошла вдоль берега, останавливаясь у знакомых мест: вот лавочка, на которой сидел

Артём, вот тропинка, по которой он ушёл. Она подняла камеру, но не стала снимать. Вместо этого достала пуговицу и сжала в ладони, как он и советовал.

— Если станет страшно — сожми её, — вспомнила его голос.

Сейчас ей было не страшно. Ей было… одиноко. И от этого хотелось щёлкнуть затвором, поймать хоть какой-то момент, чтобы он остался с ней.

Она сделала несколько кадров: рябь на воде, отражение старого клёна, пустую лавочку. Обычные снимки. Без странных фигур, без намёков на тайны. И от этой обыденности стало даже приятно: будто мир мягко сказал ей: «Всё в порядке, ты просто гуляешь».

Алёна присела на ту самую лавочку, положила камеру рядом и закрыла глаза на секунду, вдыхая прохладный воздух.

— Ты опять ловишь тишину? — раздался знакомый голос совсем рядом.

Алёна распахнула глаза. Артём стоял в паре шагов, в той же куртке, с лёгкой улыбкой, будто и не сомневался, что найдёт её здесь.

— Я… я не специально, — смущённо улыбнулась Алёна. — Просто… мне тут нравится. И я хотела… — она запнулась, не решаясь признаться, что пришла ради него. — Хотела ещё раз посмотреть на озеро при другом свете.

Артём сел рядом, не слишком близко, но и не так, будто боялся нарушить её пространство.

— При другом свете тут всё другое, — кивнул он. — Утром парк будто только просыпается, и все его секреты ещё спят. А к вечеру он начинает шептать.

— А ты его слушаешь? — спросила Алёна, чувствуя, как неловкость потихоньку тает.

— Стараюсь, — пожал плечами Артём. — Не потому что верю во всякую магию. Просто… когда долго сидишь и смотришь, начинаешь замечать мелочи. Как ветер поворачивает лист, как птица садится на ветку и сразу взлетает, будто передумала. Это тоже своего рода история.

Алёна вдруг поняла, что ей хочется рассказать ему что-то своё. Не про кадры и не про странности, а про то, почему она вообще всё это снимает.

— Знаешь, я люблю ловить моменты, которые люди обычно пропускают, — тихо сказала она. — Например, как кто-то на секунду замирает, будто услышал что-то важное. Или как свет ложится на лицо, когда человек думает, что его никто не видит. Для меня это не просто картинки. Это… маленькие признания мира.

Артём посмотрел на неё внимательно, без спешки, как будто тоже хотел поймать этот момент.

— Тогда ты снимаешь не свет, — сказал он. — Ты снимаешь чувства. Просто они у тебя на фото остаются в тенях и бликах.

Алёна улыбнулась, чувствуя, как внутри разливается приятное тепло.

— Спасибо, — прошептала она. — Это звучит лучше, чем «ты просто фотографируешь».

— Не за что, — чуть усмехнулся Артём. — Я ведь тоже не просто сижу тут. Иногда мне нужно, чтобы мир стал тише, чтобы я мог услышать себя.

Они помолчали, слушая, как шуршат листья и плещется вода. Потом Алёна потянулась за камерой.

— Можно я тебя сфотографирую? — спросила она, чуть волнуясь. — Но не как в тот раз. Не тайком. А просто… чтобы был кадр, где ты улыбаешься.

Артём задумался на секунду, потом кивнул.

— Только не пытайся сделать из меня героя обложки, — предупредил он. — Я обычный парень, который любит сидеть у воды.

— Договорились, — улыбнулась Алёна. — Никакой магии. Только свет и правда.

Она навела объектив. Артём не позировал, не старался выглядеть лучше — он просто сидел, чуть наклонив голову, и смотрел на неё так, будто она была самым интересным кадром в этом парке. Щёлк.

На экране появился снимок: не идеальный, не выверенный, но живой. В его глазах была лёгкая улыбка, а в тени у виска — тот самый мягкий свет, который бывает только в такие дни, когда осень ещё не стала холодной.

— Вот, — Алёна протянула ему телефон, чтобы он посмотрел. — Видишь? Никакой двери. Просто хороший момент.

Артём взглянул на фото, и его улыбка стала чуть шире.

— Да, — тихо сказал он. — Хороший.

Потом он поднял глаза на Алёну.

— А теперь ты. Давай я хоть раз буду тем, кто смотрит в объектив, а не в озеро.

Алёна рассмеялась, впервые за долгое время чувствуя, что всё идёт правильно. Она встала, отошла на пару шагов, подняла камеру.

— Замри, — пошутила она. — И не смотри в воду, смотри на меня.

Артём послушно посмотрел прямо на неё. И в этот момент солнце пробилось сквозь облака и легло на его волосы тёплым светом. Щёлк.

Этот кадр Алёна решила не показывать. Она оставила его только для себя — как тот самый момент, когда мир вдруг стал чуть светлее.

Когда они ушли из парка, Алёна чувствовала, что день стал другим. Не из-за тайн озера и не из-за странных отражений. А из-за того, что рядом был человек, с которым можно просто молчать и всё равно чувствовать, что ты не один.

Глава 3. Город как кадр

С того дня Алёна стала замечать, что мир будто подстроился под неё: свет стал мягче, тени — выразительнее, а случайные встречи — важнее. И почти в каждом хорошем моменте рядом оказывался Артём.Он не пытался казаться кем-то другим, не старался произвести впечатление. Просто приносил с собой эту особенную тишину, в которой хотелось дышать глубже. Иногда они молчали, сидя на той самой лавочке, и слушали, как шуршит под ветром сухая листва. А иногда Артём рассказывал что-то совсем простое: про то, как в детстве боялся старых домов на окраине, потому что казалось, что окна за ним следят, или про то, как однажды заблудился в центре города и полчаса стоял у одной и той же витрины, думая, что это разные магазины.Алёна слушала и ловила себя на том, что ей хочется не только слышать его голос, но и поймать его в кадре. Но теперь она не снимала тайком. Теперь она спрашивала: «Можно?» — и Артём кивал, чуть смущаясь, будто до сих пор не понимал, что в нём такого, что хочется сохранить.Однажды Алёна предложила:— Давай прогуляемся по городу. Не просто так, а будто мы ищем идеальный кадр. Ты будешь смотреть не на карту, а на детали: на то, как свет ложится на стены, на вывески, на людей. А я буду снимать то, что ты заметишь.Артём улыбнулся:— То есть я буду твоим проводником по невидимому?— Именно, — рассмеялась Алёна. — Ты видишь тишину. А я хочу её сфотографировать.Они шли по узким улочкам, где старые дома прижимались друг к другу, как старые друзья. Артём останавливался у облупившейся стены, где тень от решётки ложилась на кирпич странным узором, похожим на застывшие ноты. Алёна щёлкала затвором, ловя этот рисунок. Потом он показывал на витрину крошечной пекарни, где тёплый свет смешивался с холодом вечернего неба. Она снимала и это — не ради идеального кадра, а ради того, чтобы запомнить, как он это увидел.— Знаешь, — сказал Артём, когда они остановились у моста, чтобы посмотреть, как город зажигает огни, — я раньше думал, что замечать такие вещи — значит быть слабым. Будто если ты слишком много видишь, мир тебя быстрее изнашивает.Алёна посмотрела на него, не поднимая камеры.— А теперь?— Теперь думаю, что, может быть, это и есть сила, — тихо ответил он. — Видеть и не отворачиваться.

Даже если непонятно. Даже если страшно.Она достала из кармана пуговицу, которую он ей дал, и на секунду сжала её в ладони. Потом протянула ему:— Держи. Пусть теперь она будет у тебя. Вдруг тебе тоже понадобится помнить, где настоящее.Артём покачал головой:— Нет. Пусть будет у тебя. Мне достаточно знать, что она есть. Что ты её носишь.Алёна улыбнулась и спрятала пуговицу обратно. И в этот момент город будто выдохнул: огни стали ярче, ветер стих, и даже шум машин ушёл куда-то на задний план.— Смотри, — вдруг сказал Артём, указывая на отражение в воде под мостом. — Видишь? Там не просто город. Там он какой-то другой. Как будто у него есть второе лицо.Алёна подняла камеру. На видоискателе отражение дрожало, но в нём проступали детали, которых не было на берегу: старая арка, которой уже не существовало, силуэт человека, замершего у перил. На секунду ей показалось, что это она сама — только моложе, будто из другого времени.Щёлк.Но когда она посмотрела на экран, на фото была только рябь и огни. Никаких арок, никаких теней. Только город, каким он был сейчас.Алёна вздохнула.— Опять ничего, — сказала она чуть разочарованно.— Может, и хорошо, — спокойно ответил Артём. — Может, некоторые двери лучше оставлять закрытыми. А некоторые истории — просто оставлять в моменте.И Алёна вдруг поняла, что он прав. Ей не обязательно нужно было поймать на камеру каждую тайну. Ей хотелось просто быть здесь, рядом с ним, и видеть мир его глазами.Они пошли дальше, уже не в поисках идеального кадра, а просто потому, что идти рядом было приятно. Артём рассказывал про старый кинотеатр, который собирались сносить, и про то, что ему жаль, будто вместе с ним исчезнет какой-то тихий, никому не нужный кусочек города. Алёна слушала и думала, что если бы она могла снять не картинку, а ощущение, то на этом фото был бы запах попкорна, скрип старых кресел и тёплый полумрак, в котором хочется шептать.Когда они вернулись в парк, солнце уже садилось, и озеро стало тёмнозолотым. Артём сел на лавочку, вытянул ноги и улыбнулся:— Ну что, нашла свою тишину?Алёна присела рядом, не доставая камеру.— Нашла, — сказала она. — И знаешь что? Она не в кадре. Она вот здесь. Между нами.Артём кивнул, будто давно ждал этих слов. — Тогда пусть она останется, — тихо сказал он. — Просто останется.

Глава 4. Свет в рамке

Несколько дней Алёна собирала выставку. Она не хотела пафоса: никаких чёрных стен и строгих подписей. Ей хотелось, чтобы люди, заходя, будто попадали в тот самый парк — в тот самый воздух, где листья шепчут, а тишина звучит громче слов.

Она развесила снимки на деревянных рейках, натянутых на верёвки, как бельё на просушку — просто, по-домашнему. На одних фото была рябь на озере, на других — тень от решётки на старом доме, на третьих — витрина пекарни, где тёплый свет будто обнимал улицу. И среди этих кадров Алёна спрятала несколько снимков Артёма. Не портреты, а моменты: вот он сидит на лавочке и чуть щурится от солнца, вот смотрит куда-то в сторону, будто заметил что-то, чего не видит никто другой, вот смеётся тихо, почти про себя.

В каждом из этих кадров он был не героем, а частью города — таким же важным, как свет на кирпичной стене или отражение в воде.

Накануне открытия Алёна долго стояла перед этими фотографиями, не зная, правильно ли она поступила. Ей хотелось показать его взгляд на мир, но в то же время она боялась, что он почувствует себя выставленным напоказ.

«Я не сделаю тебя главным героем, — пообещала она себе, глядя на снимок, где Артём смотрит на неё, а солнце ложится на его волосы. — Я покажу, как ты видишь тишину».

На следующий день Алёна пришла в галерею пораньше, чтобы всё проверить. В помещении пахло свежей краской и кофе, а свет падал ровно, подчёркивая каждую деталь. Она поправила один из снимков, потом другой, и вдруг почувствовала, что ей не хватает рядом именно того, чей взгляд она пыталась передать.

— Ты будто ждёшь, что кто-то скажет: «Вот тут чуть левее», — раздался знакомый голос.

Алёна обернулась. Артём стоял в дверях, в той самой куртке, с пакетом в руке.

— Я не хотел мешать, — поспешно добавил он. — Просто шёл мимо и подумал… вдруг тебе нужно что-то поднести или подержать.

Алёна улыбнулась, и напряжение, которое копилось в ней весь день, вдруг растаяло.

— Мне нужно, чтобы ты просто был здесь, — призналась она. — Даже если будешь стоять в углу и молчать.

Артём подошёл ближе, заглянул на снимки.

— Красиво, — тихо сказал он, останавливаясь перед кадром с тенью от решётки. — Ты поймала этот узор. Я ведь тогда на него показал.

— Да, — кивнула Алёна. — Я хотела, чтобы люди увидели то, что ты замечаешь.

Он перевёл взгляд на другие фотографии, и когда дошёл до своих, на секунду замер.

— Это я? — спросил он, будто не узнавая себя.

— Это ты, — мягко сказала Алёна. — Но не как модель. Как часть этого города. Как человек, который умеет видеть тишину.

Артём помолчал, рассматривая снимки. На одном он щурился от солнца, на другом смотрел куда-то вдаль, будто прислушивался к чему-то важному.

— Странно видеть себя в чужом взгляде, — наконец произнёс он. — Как будто это не совсем я. А какой-то другой парень, который живёт в твоих фотографиях.

— Может быть, это ты, но такой, каким тебя видят другие, — тихо сказала Алёна. — Или такой, каким ты становишься, когда позволяешь себе просто быть.

Артём снова посмотрел на снимки, потом перевёл взгляд на Алёну.

— Спасибо, что не сделала из меня героя, — сказал он с лёгкой улыбкой. — Я не герой. Я просто парень, который любит сидеть у воды.

— А я люблю снимать тех, кто не старается казаться кем-то другим, — ответила Алёна. — В этом и есть правда кадра.

К открытию начали подтягиваться первые гости. Кто-то тихо переговаривался, кто-то подходил к фотографиям, задерживаясь у тех, где свет ложился особенно мягко. Алёна старалась держаться спокойно, но внутри всё дрожало: ей было важно, чтобы эти снимки нашли своего зрителя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.